

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. XI, part 2

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
“Nauka”
2015

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XI, часть 2

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
«Наука»
2015

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский.

Т. XI. Ч. 2. Языковое разнообразие в Российской Федерации / Ред. Е. В. Головки, М. З. Муслимов, С. А. Оскольская, А. М. Певнов. СПб.: Наука, 2015. — 760 с.

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-039569-5

РЕДКОЛЛЕГИЯ «ТРУДОВ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),

PhD Assoc. Prof. A. Barentsen / А. Барентсен, (Нидерланды, Амстердамский ун-т), член-корр. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин, д. филол. наук М. Д. Воейкова, член-корр. РАН Е. В. Головки,

PhD Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (США, ун-т Чикаго), PhD, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь), д. филол. наук В. М. Круглов, к. филол. наук

А. Ю. Кожевников, д. филол. наук С. А. Мызников, д. филол. наук, проф. В. И. Подлесская (Москва, РГГУ), PhD Prof. J. Russell / Дж. Рассел (США, Гарвардский ун-т), д. филол. наук А. Ю. Русаков, д. филол. наук, проф.

А. Н. Соболев (заместитель председателя), к. филол. наук С. С. Сай, к. филол. наук А. Ю. Урманчиева, д. филол. наук, проф. В. С. Храковский, Dr. Habil. Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Финляндия, ун-т Хельсинки)

Редакторы тома член-корр. Е. В. Головки, к. филол. наук

М. З. Муслимов, С. А. Оскольская, д. филол. наук А. М. Певнов

Ответственный за выпуск от редколлегии к. филол. наук А. Ю. Урманчиева
Рецензенты д. филол. наук А. Л. Мальчуков, д. филол. наук И. В. Недялков

Выпуск подготовлен при поддержке гранта РГНФ 13-04-00416а «Языковые изменения в идиомах, не имеющих письменной традиции (на материале алтайских, палеоазиатских и уральских языков)» (рук. Е. В. Головки).

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН <http://iling.spb.ru/alp/issues.html>

ISSN 2306-5737

ISBN 978-5-02-039569-5

© ИЛИ РАН, 2015.

© Коллектив авторов, 2015.

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2015.

И. А. Стенин

ИЯз РАН, Москва

НЕКАУЗАТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ КАУЗАТИВНОЙ МОРФОЛОГИИ В СЕВЕРНОСАМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ¹

1. Введение

Настоящая статья посвящена описанию семантики несобственных употреблений каузативных показателей в северносамодийских языках (тундровом и лесном ненецком, энецком и нганасанском), т. е. таких употреблений, которые в той или иной степени не удовлетворяют определению каузатива (о каузативе см. прежде всего [Недялков, Сильницкий 1969; Dixon 2000]).

В каждом из северносамодийских языков можно выделить 4 различных показателя каузатива, каждый из которых имеет, предположительно, общее происхождение в этих языках, а некоторые восстанавливаются в т. ч. на прауральском уровне. Приведем для примера аффиксы каузатива в тундровом ненецком (в морфонологической транскрипции Т. Салминена): -RӨPTA- и -PTA- (-PTyE-) будем условно называть «длинными» и глоссировать CAUS, -TA- (-TyE-) и -RA- (-RyE-) — условно «короткими» и глоссировать TR. Семантика собственно каузативных употреблений этих показателей описана слабо, отдельные наблюдения содержатся в [Сорокина 1975; Wagner-Nagy 2001; Урманчиева 2004; Siegl 2011]. Отчасти такая ситуация связана с высокой степенью лексикализации каузативных глаголов. Несмотря на то, что для ряда основ доступно несколько каузативных дериватов, дистрибуцию в общем случае следует признать лексической.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884.

В основе статьи лежит доклад, прочитанный на Десятой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН) в ноябре 2013 г. Я благодарю всех слушателей и в особенности С. С. Сая за замечания к докладу, а также М. А. Холодилову и А. Ю. Урманчиеву за ценные комментарии к первоначальному варианту текста. Разумеется, все ошибки и неточности остаются на моей совести.

Опираясь на данные сопоставляемых языков и учитывая типологические ожидания относительно путей дифференциации каузативных показателей различной длины в языке L [Недялков, Сильницкий 1969: 27; Haspelmath 2005: Universal 28], можно предположить, что нынешняя картина, по всей видимости, представляет результат семантического «размывания» исходно более мотивированной системы. В нганасанском языке, например, более «длинные» показатели (соответствующие тундровым ненецким -RƏPTA- и -PTA-), как правило, используются для образования более «сложных» по значению, не дефолтных, каузативов, в частности, дистантных, а также доступны для большего числа различных типов глаголов, включая динамические переходные. Однако в ненецких и энецких диалектах иконизм подобного рода наблюдается менее явственно.

Отдельно стоит отметить, что все показатели каузатива в северносамодийских языках могут выступать в качестве вербализаторов (хотя «короткие» гораздо более частотны в этой функции). В дальнейшем эта функция не рассматривается.

2. Каузатив как аппликатив

В ряде случаев каузативные показатели в северносамодийских языках вводят актанта с ролью Адресата или Места (который мог присутствовать в исходной конструкции в качестве сирконстанта) в позицию прямого дополнения. В [Austin 2005] в качестве наиболее вероятных случаев аппликативной интерпретации каузативных показателей приводятся глаголы ‘осмеивать’ и ‘оплакивать’; в северносамодийских языках эти значения могут выражаться каузативами от ‘смеяться’ и ‘плакать’, но не во всех идиомах, — набор аппликативов в целом различен.

ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (пуровский, с. Халясавэй)

- (1) а. *ŋâqsy^o(q)kyï* *nyemya-nta*
ребенок мать-GEN.POSS.3SG

kã-na-n° *jał°-ŋa²*
 уехать-PT.IPFV-DAT плакать-GFS.3SG.S
 ‘Ребенок плачет из-за того, что мать уезжает’.

b. *ŋâqsy°(q)kyi* *nyemya-nta*
 ребенок мать-GEN.POSS.3SG
kã-qmya-m *jał°-ta-ŋa*
 уехать-NMLZ.PFV-ACC плакать-TR-GFS.3SG.S
 ‘Ребенок плачет из-за того, что мать уехала’ (букв. ‘оплакивает отъезд матери’).

Аппликатив в лесном ненецком (1b) не совпадает с семантическим каузативом от соответствующей основы (1c):

(1) c. *ŋalka* *nyu-jum* *kãqka-mta*
 большой брат-SEL младший.брат-ACC.POSS.3SG
jałâ-pta-ŋa
 плакать-CAUS-GFS.3SG.S
 ‘Старший брат младшего до слез довел’.

Таким образом, говорить о каузативно-аппликативной полисемии не совсем уместно (по крайней мере, в отношении отдельных лексем, а не системы в целом). Возможность интерпретации каузативного деривата одновременно как каузатива и как аппликатива существенно ограничена; ср. ненецкий глагол *toxola-* (TN)/*toxola-* (FN) со значениями ‘научить’ <кто: NOM, кого: ACC, чему/что делать: DAT/INF> и ‘выучить’ <кто: NOM, что: ACC>, связанный с двухместным непереходным глаголом *toxo-* ‘выучиться’³ <кто: NOM, чему/что делать: DAT/INF>.

² Примеры из тундрового и лесного ненецкого, приведенные без ссылок, получены от носителей этих языков в с. Антипаюта (Тазовский р-н ЯНАО) и в с. Халясавэй (Пуровский р-н ЯНАО) в 2011 и 2013 гг. Всем информантам автор выражает свою искреннюю благодарность. Для записи примеров из тундрового ненецкого используется последний вариант фонологической транскрипции Т. Салминена. Рабочий вариант транскрипции для лесного ненецкого основан на соображениях, высказанных в статье [Salminen 2007].

³ Образован глагол *toxola-/toxola-*, по всей видимости, от не зафиксированной на синхронном уровне основы *toxol-* (TN)/*toxol-* (FN), где *-l-/-l-*, скорее всего, показатель инхоатива, а *-ra-/-la-* — каузатива.

- ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ
(2) a. *wín-t^oh* *tuxu-d^om*
тундра-DAT выучиться.GFS-1SG.S
'Я привык к тундре' {, полюбил тундровую жизнь.}
[Терещенко 1965: 270]

ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (тазовский, с. Антипаюта)

- b. *məny^o* *nyeny^o* *wada-m*
1SG ненецкий слово-ACC
toxo-la-mpyi-d^om
выучиться-INCH.TR-DUR.GFS-1SG.S
'Я учу ненецкий язык'.
c. *pid^oraq* *syiq-myih* *nyeny^o*
2PL PN.ACC-POSS.1NPL ненецкий
wada-n^oh *toxo-la-mpyi-daq*
слово-DAT выучиться-INCH.CAUS-DUR.GFS-2PL.S
'Вы учите меня ненецкому языку'.

Впрочем, возможно, в (2b) представлена близкая, но не тождественная актантная деривация, которая может быть названа транзитивативом⁴ в терминах [Мельчук 1998: 191–193].

Наиболее естественна аппликативная интерпретация каузативов, образованных от глаголов звукопроизводства (которые при этом иногда меняют таксономический класс и начинают употребляться в качестве глаголов речи). Ср. пример (3), где прямое дополнение не выражено поверхностно отдельной именной группой, поскольку является топикальным, но индексируется в глаголе с помощью показателя объектного спряжения

⁴ При этом, согласно соображениям, высказанным в [Плунгян 2011: 271 и далее], транзитиватив может рассматриваться как неполный пермутатив, «который лишь повышает (единственное) косвенное дополнение до прямого». В то же время отличить такую аппликативизацию, при которой факультативный в исходной структуре аргумент становится обязательным, от транзитивизации (в терминах [Мельчук 1998: 191–193]), при которой обязательный в исходной структуре участник, выражаемый (в исходной структуре) непрямым/косвенным дополнением, передвигается в позицию прямого дополнения, весьма сложно.

- ЛЕСНОЙ ЭНЕЦКИЙ
- (3) *mazu-ta-zu?* *d'ɔxa bago miʔ-xon*
 лаять-CAUS-3PL.O.SG река яма в-LOC.SG
 {Наши собаки догнали его там. В омут там...} 'Лают на него [медведя. — И. С.] в омуте'.
 [http://corpora.iling-ran.ru/utills/show_doc.php?id=386]⁵

В целом, однако, каузативы с аппликативной интерпретацией в северносамодийских языках, по-видимому, не более частотны, чем, например, приставочные дериваты на *o(b)*- в соответствующем значении в русском языке (ср. *обрызгать*).

К каузативам, имеющим аппликативную интерпретацию, оказываются близки каузативы от глаголов перемещения 'идти' и 'ходить' (4), которые во всех северносамодийских языках **имперфективны** и **несобытийны** (т. е. описывают ситуацию без перемены фазы), в отличие от всех семантически регулярных каузативов, и обозначают социативную каузацию, при которой деятельность каузатора находится в одно-однозначном соответствии с деятельностью каузируемого участника.

- ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (тазовский, с. Антипаюта)
- (4) *wæsaako-d°m. nuʔ-myih syiq-myih*
 старик-1SG.S ребенок-POSS.1NPL PN.ACC-POSS.1NPL
yadela°
 идти.пешком.FREQ.TR.GFS.3SG.S
 'Я старик. Сын меня водит' (за руку, сопровождает/помогает идти).

Существенно, что каузативно-апликативная полисемия часто объясняется именно как расширение каузативных употреблений на аппликативные через случаи социативной каузации (см. в первую очередь [Shibatani, Pardeshi 2002]; ср., впрочем, возможность альтернативного развития, описанную в [Guillaume, Rose 2010]).

⁵ Примеры из лесного энецкого взяты из экспедиционных материалов А. Б. Шлуинского и О. В. Ханиной, размещенных на сайте «Текстовые корпуса» Института языкознания РАН (<http://corpora.iling-ran.ru/>).

3. Каузатив как не-повышающая деривация

3.1. Агентивизация

Семантические эффекты, вводимые каузативными показателями в таком случае, связаны со свойствами либо А-участника, либо Р-участника, либо самого действия. Так, например, каузатив в (5b) не вводит нового участника в структуру ситуации; тем не менее он определенным образом модифицирует ролевую характеристику первого участника, а именно трактует его как более агентивного по сравнению с первым участником в (5a).

- ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (пуровский, с. Халясавэй)
- (5) а. *apa-j°* *pyi-x°nu*
сестра-(ACC.)POSS.1NPL пространство.вне.чума-LOC
jatâ-m°
встретить-1SG.S
'Я встретил старшую сестру на улице' (случайно).
- б. *nu-a-j°* *jatâ-pta-m°*
товарищ-(ACC.)POSS.1NPL встретить-CAUS-1SG.S
'Я встретил друга' (например, с поезда).

Доказательством повышения агентивности может служить сочетаемость каузативных форм с показателем андатива (5c), обозначающим целенаправленное движение 'пойти, чтобы Р', и невозможность такого сочетания при отсутствии каузативного показателя (5d).

- ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (пуровский, с. Халясавэй)
- (5) с. *apa-j°* *jatâ-pta-soq-ŋa-t°*
сестра-(ACC.)POSS.1NPL встретить-CAUS-AND-GFS-1SG.S
'Я пошел встретить старшую сестру' (например, на вокзал).
- д. **apa-j°* *jatâ-soq-ŋa-t°*
сестра-(ACC.)POSS.1NPL встретить-AND-GFS-1SG.S
Ожид.: 'Я пошел встретить старшую сестру'.

В отличие от большинства дагестанских и ряда тюркских языков (см., например, [Кибрик 2003] и др.), агентивизация в северносамодийских языках не затрагивает падежное маркирование актантов.

3.2. Конверсивные отношения

Каузативные показатели также маркируют конверсивные отношения, где налицо **изменение коммуникативного фокуса** высказывания (ср. [McCawley 1976] о функциональной близости эмотивных каузативов и пассива). Конверсивы, однако, не составляют гомогенной группы: дериваты с таким значением возможны как от непереходных (6а), (7а), так и от переходных основ (8а). При этом в результате всегда образуется переходная синтаксическая структура (6b), (7b), (8b).

- ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (тазовский, с. Антипаюта)
- (6) a. *tənu*[°] (*xasawa nuə-xənyih*)
 1SG мужчина родственник-DAT.POSS.1NPL
nyen[°]*syumya-d*[°]*m*
 рассердиться.GFS-1SG.S
 ‘Я рассердился (на своего брата)’.
- b. *xasawa nuə-myih*
 мужчина родственник-POSS.1NPL
syiq-myih nyen[°]*syum-tye*[°]
 PN.ACC-POSS.1NPL рассердиться-CAUS.GFS.3SG.S
 ‘Мой брат меня рассердил’.
- (7) a. *maly*[°]*cyə-myih* (*nyana-nyih*)
 малица-POSS.1NPL около.LOC-OBL.POSS.1NPL
nyudyilye-y[°]*-q*
 стать.маленьким-SFS-3SG.R
 ‘Малица стала мне мала’.
- b. *ɲəcyeki*[°] *tyuku*[°] *po-h maly*[°]*cyə-mta*
 ребенок этот год-GEN малица-ACC.POSS.3SG
nyudyilye-btye[°]
 стать.маленьким-CAUS.GFS.3SG.S
 ‘Ребенок в этом году вырос из малицы’.
- (8) a. *tənu*[°] *te-m mətoq-ɲa-d*[°]*m*
 1SG олень-ACC выиграть-GFS-1SG.S
 ‘Я оленя выиграл’ {например, играя в карты}.
- b. (*lɪca-n*[°]*h*) *yesy*[°]*-nyih*
 русский-DAT деньги.ACC.PL-POSS.1NPL

mətoq-ləbtaə-d^om

выиграть-CAUS.GFS-1SG.S

‘Я (русскому) деньги проиграл’.

Конверсивные пары, в которых оба глагола переходные, а один при этом является (формально) каузативом от другого (типа (8)), наиболее далеко отстоят от настоящих каузативов: из пяти свойств прототипического каузатива, сформулированных в [Лютикова и др. 2006: 53]⁶, они не обладают в строгом смысле ни одним.

В то же время примеры, в которых каузативный показатель маркирует конверсивные отношения или агентивизацию, обладают, в отличие от большинства случаев аппликативизации, одним важным свойством, сближающим их с настоящими каузативами (9), — они **перфективны** и **событийны** (т. е. описывают ситуацию с переменной фазы).

- ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ (тазовский, с. Антипаюта)
- (9) *tas^oko* *súyu-m*
новорожденный.теленок олененок-ACC
yilye-btyeə-w^o
жить-CAUS.GFS-1SG.O.SG
‘Я спас (новорожденного) олененка’ (например, оставшегося без матери — выкормив его в чуме и сделав авкой).

3.3. Деагентивизация

Широко известно, что каузативизации легче подвергаются непереходные глаголы, и во многих языках множество глаголов, допускающих каузативную деривацию, почти или совсем не включает переходных. Известно также, что в некоторых языках, допускающих каузативизацию ряда переходных глаголов, такие дериваты находятся

⁶ Свойства каузативов (разрядка и курсив в оригинале. — И. С.):
а. добавление Агенса (характеризуемого набором агентивных свойств) (*семантика*);

б. Каузируемый теряет часть агентивных свойств (если они были) (*семантика*);

с. образование переходной предикации из непереходной (*синтаксис*);

д. Агенси кодируется как синтаксически приоритетная ИГ (*синтаксис*);

е. Каузируемый кодируется как синтаксически неприоритетная ИГ (*синтаксис*).

с исходными глаголами в отношениях, отличающихся от оппозиции ‘каузатив’ vs. ‘не-каузатив’ (см., например, [Aikhenvald 2011]).

По крайней мере в ненецких и энецких диалектах множество переходных (агентивных) глаголов, образующих каузатив, весьма ограничено, и даже для тех глаголов, которые допускают данную деривацию формально, нормальная каузативная интерпретация является практически невозможной. Одним из выходов для языка в таком случае является противопоставление каузации по **интенциональности**.

Например, в ненецком два формально наиболее сложных из морфологических каузативов (*-rəbta-* и последовательность *-ra-bta*⁷ в тундровом ненецком, *-lāpta-* и последовательность *-la-pta-* в лесном ненецком) могут в отдельных случаях использоваться для выражения неинтенциональной каузации.

ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (пуровский, с. Халясавэй)

- (10) a. *māny*^o *kītya-j*^o
 1SG глубокая.посуда-(ACC.)POSS.1NPL
wapta-ŋa-m^o
 перевернуть-GFS-1SG.O.SG
 ‘Я чашку перевернул’.
- b. *māny*^o *kītya-j*^o
 1SG глубокая.посуда-(ACC.)POSS.1NPL
wapta-lāpta-ŋa-m^o
 перевернуть-CAUS-GFS-1SG.O.SG
 ‘Я чашку опрокинул (случайно)’.
- (11) a. *styena-xāt*^o *kartyinka-m* *kaq^om-lā-ŋa-m*^o
 стена-ABL картина-ACC упасть-TR-GFS-1SG.O.SG
 ‘Я со стены картину снял’.
- b. *jīnu-j*^o *kaq^om-lā-pta-ŋa-m*^o
 молоток-(ACC.)POSS.1NPL упасть-TR-CAUS-GFS-1SG.O.SG
 ‘Я молоток уронил’.

В этой связи интересную параллель представляют данные австроазиатского языка чрау, в котором сочетание каузативного

⁷ Кажется, это единственная возможность рекурсивного присоединения каузативного показателя в ненецком.

префикса *ta-*, в нормальном случае маркирующего контактную каузацию, и каузативного глагола *ôp*, используемого для передачи дистантной каузации, обозначает неинтенциональную каузацию.

- ЧРАУ (< бахнарские < мон-кхмерские < австроазиатские)
- (12) а. *ănh ôp dăq khlâyh*
 1SG CAUS₂ капкан сбежать
 ‘Я сделал так, что капкан сработал (нарочно)’.
 [Thomas 1969: 100], цит. по [Dixon 2000: 70]
- (12) б. *ănh ôp dăq ta-khlâyh*
 1SG CAUS₂ капкан CAUS₁-сбежать
 ‘Я сделал так, что капкан сработал (нечаянно)’.
 [Thomas 1969: 100], цит. по [Dixon 2000: 70]

При этом дефолтная интерпретация ненамеренности может легко подавляться в соответствующем контексте, поэтому ее, по-видимому, лучше считать не частью ассертивного компонента, а лишь некоторой отменяемой импликацией.

- ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (пуровский, с. Халясавэй)
- (13) *jînu-j° syîluł*
 молоток-(ACC.)POSS.1NPL нарочно
kaq°m-ła-ptā-ŋa-m°
 упасть-TR-CAUS-GFS-1SG.O.SG
 ‘Я молоток специально уронил’.

С другой стороны, важно, что почти во всех таких случаях⁸ каузативный показатель переводит глагол из разряда амбитранзитивных (для северносамодийских языков — таких, которые могут присоединять показатели не только субъектной и объектной согласовательной серий, но и «рефлексивно-медиальной»), и употребляться таким образом декаузативно) в разряд (синтаксически) строго пере-

⁸ Для ненецких диалектов единственным обнаруженным исключением является как раз глагол *wapta-* (FN) / *wabta-* (TN), представленный в примере (10а) и употребляющийся в современном лесном и тундровом ненцеком только переходно. Однако соответствующий ему нганасанский глагол *ăbtудя*, согласно словарю [Костеркина, Момде, Жданова 2001: 28], может употребляться также в рефлексивном «спряжении» в значении ‘перевернуться’. С другой стороны, у меня, к сожалению, нет информации относительно того, можно ли образовать от него каузативный дериват.

ходных (ср. схожие наблюдения относительно деривации *kau-* в манамбу в работе [Aikhenvald 2011]).

3.4. Другие употребления

В литературе наиболее известны случаи, когда каузативный показатель выражает также аспектуальные значения и/или значения из области глагольной множественности, а также интенсивности действия (например, двойной каузатив в тувинском и других тюркских языках; ср. [Kulikov 1999]). В северносамодийских языках каузативные показатели в целом не склонны употребляться в этих значениях.

Не характерны для северносамодийских языков и случаи, когда каузативное значение и некоторые глагольные значения из других зон выражаются конкретным показателем кумулятивно, во всех контекстах его употребления, как это имеет место, например, в алеутском, где аффикс *-dgi-* совмещает значения каузатива и дистрибутивной множественности [Golovko 1993].

4. Заключение

Несобственные употребления каузативных показателей в северносамодийских языках демонстрируют следующие семантические эффекты: 1) аппликативизация; 2) агентивизация; 3) деагентивизация (неинтенциональная каузация); 4) маркирование конверсивных отношений и коммуникативные перераспределения других типов. Говоря «эффекты», а не, например, «значения», мы хотим подчеркнуть, что не прямые употребления в рассматриваемых языках в еще большей степени лексикализованы, чем прямые. Для некаузативных употреблений каузативных показателей практически невозможно описать семантические ограничения на доступность различных интерпретаций. Наблюдения, касающиеся изменения семантических и морфосинтаксических свойств исходной леммы под влиянием конкретных эффектов, обобщены ниже в Таблице 1.

Каузативы, которые не каузативизируют, в последнее время становятся объектом все большего и большего внимания лингвистов; ср. недавние работы [Aikhenvald 2011; Kittilä 2009, 2013]. Данные северносамодийских языков, рассмотренные в настоящей статье, расширяют наши представления о типологии этого явления и, как кажется, позволяют уточнить существующие обобщения.

В [Aikhenvald 2011] предлагается разделить эффекты, связанные с употреблением каузативов, не изменяющих валентность исходного глагола, на три группы: 1) имеющие отношение к А-участнику (увеличение манипулятивного усилия, интенциональности, волитивности и контроля); 2) имеющие отношение к действию (интенсификация или итеративизация); 3) имеющие отношение к Р-участнику (увеличение степени вовлеченности, множественный или большой Р-участник). При этом утверждается, что значения из первой и третьей групп выражаются только в тех языках, в которых несобственные употребления каузативов, не повышающие валентность, возможны только от переходных и амбитранзитивных глаголов, тогда как значения из второй группы выражаются во всех языках, в которых каузативы имеют употребления, не связанные с повышающей актантажной деривацией.

В северносамодийских языках употребления каузативов, не повышающие валентность исходного глагола, возможны как от переходных и амбитранзитивных основ, так и от непереходных основ. В то же время в этих языках регулярно встречаются несобственные употребления каузативов, затрагивающие свойства S/A-участника, и практически не встречаются употребления, связанные, например, с интенсификацией действия.

С другой стороны, классификация А. Ю. Айхенвальд нуждается в дополнении. Примеры, в которых с помощью каузативной морфологии выражаются конверсивные отношения, встречаются не только в северносамодийских языках, но и в существующих описаниях дагестанских, тюркских и других языков (см., в частности, [Лютикова 2001; Бонч-Осмоловская 2007] и др.).

С третьей стороны, попытка связать практически все несобственные употребления каузативных показателей с повышением семантической переходности заведомо исключает из рассмотрения такие сложные случаи, как неинтенциональная каузация. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы точнее понять, как связаны между собой собственные и несобственные употребления каузативных показателей.

Таблица 1. Свойства каузативов в несобственных употреблениях

	Синтаксическая модификация	Семантическая модификация	Возможные ограничения
аппликативизация	транзитивизация; заполнение позиции DO	введение участника с ролью Адресата или Места	от непереходных
агентивизация		увеличение интенциональности, волитивности и/или манипулятивного усилия S/A-участника	от глаголов, не имеющих в своей структуре прототипического Агенса
деагентивизация	транзитивизация (переводит амбигуозный глагол в разряд строго переходных)	импликация ненамеренной каузации	в первую очередь, от амбигуозных
конверсивные отношения	транзитивизация; смещение исходного Sub в позицию DO, продвижение в позицию Sub сирконстанта (при присоединении к непереходным основам)	изменение коммуникативного фокуса	

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; AND — андатив; CAUS — каузатив; DAT — датив; DO — прямое дополнение; DUR — дуратив; FN — лесной ненецкий; FREQ — фреквентатив; GEN — генитив; GFS — общая финитная основа; INCH — инхоатив; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; NMLZ — номинализация; NPL — множественное число; O — объектная согласовательная серия; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PL — множественное число; PN — личное местоимение; POSS — посессивность; PT — причастие; R — рефлексивно-медиальная согласовательная серия; S — субъектная согласовательная серия; SEL — селектив; SFS — специальная финитная основа; SG — единственное число; Sub — подлежащее; TN — тундровый ненецкий; TR — транзитивизатор.

Литература

- Бонч-Осмоловская 2007 — А. А. Бонч-Осмоловская. Семантика актантных дериваций // Е. А. Лютикова, К. И. Казенин, В. Д. Соловьев, С. Г. Татевосов (ред.). Мишарский диалект татарского языка: Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007. С. 143–191.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Костеркина, Момде, Жданова 2001 — Н. Т. Костеркина, А. Ч. Момде, Т. Ю. Жданова. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб.: Просвещение, 2001.
- Лютикова 2001 — Е. А. Лютикова. Переходность и диатезные преобразования // А. Е. Кибрик (ред.-сост.). Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие, 2001. С. 377–400.
- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II. Часть вторая: Морфологические значения. Москва — Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998.
- Недялков, Сильницкий 1969 — В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий. Типология морфологического и лексического каузативов // А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. С. 20–60.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Сорокина 1975 — И. П. Сорокина. Морфология глагола энецкого языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1975.
- Терещенко 1965 — Н. М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Урманчиева 2004 — А. Ю. Урманчиева. Актантная деривация в энецком языке // В. Comrie, V. Solovyev, P. Suihkonen (eds.). International Symposium on the Typology of Argument Structure and Grammatical Relations in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia (LENCA-2) at Kazan State University, Tatarstan Republic, Russia, on May 11–14, 2004. Abstracts. 2004. P. 224–227.
- Aikhenvald 2011 — A. Y. Aikhenvald. Causatives which do not Cause: Non-Valency-Increasing Effects of a Valency-Increasing Derivation // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Language at Large: Essays on Syntax and Semantics. Leiden — Boston: Brill, 2011. P. 86–142.

- Austin 2005 — P. Austin. Causative and Applicative Constructions in Australian Aboriginal Languages. University of London, SOAS. Manuscript, 2005.
- Dixon 2000 — R. M. W. Dixon. A typology of causatives: form, syntax and meaning // R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). *Changing Valency: Case Studies in Transitivity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 30–83.
- Golovko 1993 — E. V. Golovko. On non-causative effects of causativity in Aleut // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 385–390.
- Guillaume, Rose 2010 — A. Guillaume, F. Rose. Sociative causative markers in South-American languages: a possible areal feature // F. Floricic (ed.). *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels*. Lyon: ENS Éditions, 2010. P. 383–402.
- Haspelmath 2005 — M. Haspelmath. Universals of causative verb formation. Lecture given at the LSA Institute, MIT, 2 August 2005.
- Kittilä 2009 — S. Kittilä. Causative morphemes as non-valency increasing devices // *Folia Linguistica* 43, 1, 2009. P. 67–94.
- Kittilä 2013 — S. Kittilä. Causative morphemes as a de-transitivizing device: what do non-canonical instances reveal about causation and causativization? // *Folia Linguistica* 47, 1, 2013. P. 113–137.
- Kulikov 1999 — L. I. Kulikov. Remarks on double causatives in Tuvan and other Turkic languages // *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 88, 1999. P. 49–58.
- McCawley 1976 — N. McCawley. On experiencer causatives // M. Shibatani (ed.). *The Grammar of Causative Constructions*. New York: Academic Press, 1976. P. 181–203.
- Salminen 2007 — T. Salminen. Notes on Forest Nenets phonology // J. Ylikoski, A. Aikio (d.). *Sámit, sánit, sátnehámit. Riepmočála Pekka Sammallahtii miessemánu 21. beaivve 2007*. [Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 253]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura — Société Finno-Ougrienne, 2007. P. 349–372.
- Shibatani, Pardeshi 2002 — M. Shibatani, P. Pardeshi. The causative continuum // M. Shibatani (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002. P. 85–126.
- Siegl 2011 — F. Siegl. Material on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia. PhD Thesis. Tartu University, Tartu, 2011.
- Thomas 1969 — D. M. Thomas. Chrau affixes // *Mon-Khmer Studies* 3, 1969. P. 90–107.
- Wagner-Nagy 2001 — B. B. Wagner-Nagy. Die Wortbildung im Nganasanischen. [Studia Uralo-Altaica 43]. Szeged: SzTE Finnugor Tanszék, 2001.